

Прагматика конспирологических мифологем

А. М. Прилуцкий

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Введение. Статья посвящена анализу специфики функционирования современных конспирологических мифологем с позиций семиогерменевтического подхода, поскольку конспирология представляет собой не только технологию интерпретации социальной и природной реальности, но и инструмент, обеспечивающий развитие соответствующей дискурсивной среды.

Содержание. В результате проведенного исследования были выявлены четыре основные семиогерменевтические функции конспирологического мифа. *Герменевтическая функция* позволяет объяснять сложные социальные процессы и явления на уровне, доступном восприятию массовой аудитории, не обладающей специальными знаниями. Конспирологическая герменевтика выступает как одна из разновидностей герменевтики мифологической. Конспирологическое объяснение оканчивается всегда проще и часто более информативным. Кроме того, конспирологическое объяснение всегда предполагает наличие «выгодополучателя», что делает его соответствующим тому пониманию социальных процессов, которое вырабатывается типичными бытовыми ситуациями. При этом «выгода» не обязательно является материальной, она может носить символический и даже условный характер. *Игровая функция* позволяет снять конфликт между конспирологией и тем типом рациональности, который лежит в основе современной научно-практической деятельности. *Социальная функция* конспирологических мифологем обусловлена способностью конспирологического дискурса формировать семиотические фикции элитарности конспирологов как лиц, посвященных в особые тайны, недоступные для профанного знания. *Коммуникативная функция* конспирологии реализуется, прежде всего, как функция общения – взаимодействия людей в процессе их социальной деятельности, так или иначе связанной с конспирологической повесткой. Анализ коммуникативных отношений, которые формируются в связи с функционированием конспирологической мифологии и ее воздействием на семисферу, позволил выделить два основных типа: конфликтная и кооперативная (солидарная) коммуникации.

Выводы. Выявленные функции конспирологических мифологем не являются исчерпывающими. Однако именно их взаимодействие обеспечивают растущую популярность конспирологии. Конспирологический миф в итоге предстает как сложный семиотический феномен, обладающий возможностью формировать референции к различным социальным процессам/явлениям и соотносимой с ними символической реальностью.

Ключевые слова: конспирологический миф, герменевтика, семиотика, религиозный дискурс.

Для цитирования: Прилуцкий А. М. Прагматика конспирологических мифологем // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2024. – № 3. – С. 124–135. DOI: 10.35231/18186653_2024_3_124. EDN: OUMFLJ

Pragmatics of Conspiracy Mythologies

Alexander M. Prilutskij

*Herzen State Pedagogical University of Russia,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. The article is devoted to the analysis of the specifics of the functioning of modern conspiracy mythologems from the standpoint of the semiohermeneutic approach, since conspiracy theory is not only a technology for interpreting social and natural reality, but also a tool that ensures the development of the discursive environment.

Content. As a result of the study, four main semiohermeneutic functions of a conspiracy myth were identified. The hermeneutic function makes it possible to explain complex social processes and phenomena at a level accessible to the perception of a mass audience that does not have special knowledge. Conspiracy hermeneutics acts as one of the varieties of mythological hermeneutics. A conspiracy explanation always turns out to be simpler and, strangely enough, often more informative. In addition, a conspiracy explanation always presupposes the presence of a "beneficiary", which makes it consistent with the understanding of social processes that is developed by typical everyday situations. Moreover, the "benefit" is not necessarily material; it can be symbolic and even conditional. The gaming function of conspiracy theory allows us to remove the conflict between conspiracy theories and the type of rationality that underlies modern scientific and practical activity. The social function of conspiracy mythologies is determined by the ability of conspiracy discourse to form semiotic fictions of the elitism of conspiracy theorists as persons privy to special secrets inaccessible to profane knowledge. The communicative function of conspiracy theory is realized, first of all, as a function of communication – the interaction of people in the process of their social activities, one way or another connected with the conspiracy agenda. The analysis of communicative relations that are formed in connection with the functioning of conspiracy mythology and its impact on the semiosphere made it possible to identify two main types: conflict and cooperative (solidarity) communications.

Conclusions. The above functions of conspiracy mythologies are not exhaustive. However, it is their interaction that ensures the growing popularity of conspiracy theories. A conspiracy myth ultimately appears as a complex semiotic phenomenon that has the ability to form references to various social processes/phenomena and the symbolic reality correlated with them.

Key words: conspiracy myth, hermeneutics, semiotics, religious discourse.

For citation: Prilutskij, A. M. (2024) Pragmatika konspirologicheskikh mifologem [Pragmatics of Conspiracy Mythologies]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. Pp. 124–135. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2024_3_124. EDN: OUMFLJ

Введение

Под конспирологией в широком смысле мы будем понимать совокупность мифологических текстов, которые интерпретируют социальные процессы и явления как результат целенаправленного действия могущественных сил, тщательно скрывающих свое существование или какое-либо отношение к данным явлениям и процессам [12]. При этом нас в меньшей степени интересует вопрос о правомочности подобных объяснений: верификация конспирологических конструкций представляет собой тему отдельного исследования, или, по крайней мере – журналистского расследования. Предметом данной статьи является выявление причин востребованности конспирологических герменевтикой социальным дискурсом.

С герменевтической точки зрения конспирология представляет собой не только технологию интерпретации социальной и природной реальности, но и инструмент, обеспечивающий развитие соответствующей дискурсивной среды. Благодаря воспроизведению конспирологических мифологем, происходит расширение герменевтического горизонта, а, следовательно, и объема дискурса.

Сразу необходимо отметить, что конспирологические мифологемы преимущественно формируют отрицательные модальные оценки [4] коммуникантов заговора и самих заговорщиков: априорно предполагается, что их цели античеловечны и, как правило, преступны. Представления о «благородных заговорщиках», тайно действующих из высших альтруистических побуждений, столь характерные для романтизма XIX века, в современном дискурсе маргинальны.

Исключительная востребованность конспирологии дискурсами повседневности приводит к тому, что конспирологические объяснения сегодня популярны не только среди различных маргинальных субкультур типа сторонников «плоской Земли» и борцов с рептилоидами, но и в тех социальных стратах, которые считаются вполне уважаемыми. Сегодня конспирологическая герменевтика активно используется в дискурсах бытового общения, СМИ, художественной литературы, различных направлений неакадемической науки, религии и т. д.

В определённом смысле интерес к конспирологии обусловлен имеющимся в определенных социальных стра-

тах недоверием к официальным источникам информации и «официальной науке», конспирологические построения могут рассматриваться как конкурентные дискурсы, развитие которых обусловлено, в том числе, и наличествующими в обществе социальными проблемами, к числу которых следует отнести формирование агрессивной-невежественной прослойки обывателей, отрицающей ценность интеллектуального труда и недовольных тем, что «наука – элитарная часть культуры» [3, с. 55]. Конспирологическая герменевтика обладает исключительным креативным потенциалом: при ее помощи оказывается возможным конструировать виртуальные миры, в которых видимая реальность является лишь ширмой, за которой протекает «настоящая жизнь», наполненная грандиозными мистификациями, обманами и их разоблачениями, героической борьбой с невидимыми могущественными врагами, и прочими аттракционами социального развлечения. Разумеется, официальные нарративы на их фоне могут представляться скучными. В наиболее четкой форме конспирология представлена в коммуникативной среде Интернета, поскольку в ней происходит не только «отражение жизненной реальности в виртуальном пространстве» [4, с. 115], но и конструирование жизненной квази-реальности.

Содержание исследования

Интен-анализ конспирологических мифологем позволил определить их функции в дискурсивной среде.

1. Герменевтическая функция.

Использование конспирологических конструкций позволяет объяснять сложные социальные процессы и явления на уровне, доступном восприятию массовой аудитории, не обладающей специальными знаниями. Конспирологическое объяснение оказывается всегда проще и, часто, как ни странно – более информативно. Кроме того, конспирологическое объяснение всегда предполагает наличие «выгодополучателя», что делает его соответствующим тому пониманию социальных процессов, которое вырабатывается типичными, общеизвестными бытовыми ситуациями. В основе базового герменевтического паттерна лежит тезис, согласно которому у всех процессов, которые так или иначе

негативно влияют на социум и отдельных людей, всегда есть тайные выгодополучатели, которые в реальности и являются подлинными инициаторами данных процессов и явлений. Так, например, выгодополучателями-инициаторами эпидемии коронавирусной инфекции были «назначены» медицинские и фармакологические корпорации и агенты «мирового правительства», подготавливающие приход к власти апокалиптического антихриста [8].

При этом «выгода» не обязательно является материальной, она может носить символический и даже условный характер. В последнем случае используется интересный герменевтический прием: предмет «выгоды» четко не артикулируется, однако наличествует референция к базовым мифологемам, и это в рамках соответствующего нарратива наделяет «предмет выгоды» свойствами пустого рамочного понятия.

Подобный механизм был задействован, например, для конспирологической интерпретации роли Г. Е. Распутина в тогдашних социальных процессах:

Чёрный автомобиль – до сих пор неразгаданная легенда. Этот автомобиль несколько ночей подряд мчался через Марсово поле, пролетал через Дворцовый мост и пропадал неизвестно куда. Из автомобиля стреляли в прохожих. Были раненые.

— Это распутинское дело. Здесь его рука, – приговаривали рассказчики.

— Да при чём же он здесь?

— Ему всё чёрное, злое, непонятное выгодно. Всё, что сеет смуту и панику. Перед теми, кто ему нужен, он сумеет объяснить всё для своей выгоды¹.

2. Игровая функция конспирологии.

Исследователи конспирологии неоднократно обращали внимание на то, что конспирологические теории имеют много общего с играми [1]. Данные сходства во многом обусловлены тем, что конспирологические теории, подобно играм, способны реализовывать развлекательную функцию, а именно они могут пробудить интерес к предмету игрового или конспирологического моделирования, содержанию соответствующих текстов, раскрывающих для коммуниканта смысл знаково-символической реальности. Развлекательная функция игры

¹ Тэффи Н. А. (Н. А. Лохвицкая). Распутин. Воспоминания // Григорий Распутин: Сборник исторических материалов. Т. 2. М.: Терра; «Книжная лавка – РТР», 1997. С. 226.

реализуется в ее способности увлечь играющих, воодушевить, пробудить интерес к предмету игры, завладеть их чувствами, мыслями, предложить соответствующие интересам модели игрового поведения¹. Подобно игре, конспирологический нарратив разворачивается «на границе между реальным, подлинным, вещным, безусловным и фантазийным, мнимым, символическим, условным» [5, с. 27], что облегчает возможность семиотического дрейфа: однозначная интерпретация концептов как «исключительно символических» часто оказывается невозможной, а погружение в конструируемый символический мир не предполагает отказа от повседневной рациональности, при этом, с другой стороны, может истончаться грань между игровой и неигровой реальностью. И в игре, и в конспирологических теориях, моделируются обстоятельства, не тождественные условиям деятельности в реальной действительности². Но здесь коренятся и определенные отличия игрового поведения от увлечения конспирологическими теориями: для конспирологического мировосприятия характерно наделение соответствующих конструкций более структурированным этиологическим значением. В этом отношении конспирология выступает как символическая реальность, используемая для объяснения реального мира. То, что данное объяснение носит фрагментарный и противоречивый характер для конспирологических теорий проблемой не является. Достаточно того, что они могут предложить более или менее остроумное и неожиданное объяснение отдельных процессов и явлений, причем объяснение интересное и увлекательное.

Контент-анализ публикаций в Интернете, прежде всего выполненных в жанре комментариев, размещенных пользователями платформы YouTube, позволяет сделать вывод о том, что игровое восприятие конспирологии – «игра в конспирологию» является достаточно популярным способом организации досуга. При этом, разумеется, степень вовлечения коммуникантов в символически-игровую реальность может существенно варьировать, а сами коммуниканты могут не воспринимать увлечение конспирологией в качестве игрового. Возможна ситуация герменевтического спирали: сценарий игры может

¹ Функции и педагогические возможности игры. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dealeducation.ru/gowems-1369-1.html> (дата обращения: 05.05.2024).

² При том, что декларироваться может их полная тождественность.

предполагать, что играющие на конвенциональном уровне должны декларировать/усвоить серьезное отношение к собственному игровому поведению.

Игровая интерпретация конспирологических концептов позволяет снять конфликт между конспирологичностью и тем типом рациональности, который лежит в основе современной научно-практической деятельности. Благодаря этому пользователи платформы YouTube, с удовольствием «играющие» в свободное время в конспирологические теории плоской земли, космический заговор рептилоидов и подобное, вне игрового поведения оказываются способными адекватно воспринимать мир и действовать в рамках доминирующего в социуме типа рациональности. Формируются локусы семиосферы, ограничивающие применимость конспирологических концептов своими границами.

В качестве примера может быть приведено следующее наблюдение автора. На одной из религиоведческих конференций, традиционно проходящих в Санкт-Петербурге, присутствовали в качестве слушателей представители родноверия (славянского современного язычества). В кулуарах конференции они жаловались на своего единоверца, работающего преподавателем истории в одном из вузов столицы. Предметом недовольства было именно то, что, пропагандируя в рамках родноверческих мероприятий свойственные некоторым родноверческим обществам оригинальные взгляды на проблемы исторической хронологии, свою вузовскую преподавательскую деятельность осуждаемый персонаж организовывал в строгом соответствии с общепринятым нарративом, «казенным учебником».

Ламинарная культура оказывается способной формировать ламинарное мировосприятие [7], при этом конспирологическая ламинарность формируется именно по мифологическому паттерну. Можно сделать предположение, что это обусловлено тем, что конспирология использует установки мифологического мировосприятия [11, с. 66–68], для которого нехарактерно формирование единой, упорядоченной и непротиворечивой картины мира.

Погружение в остросюжетный мир конспирологии в рамках реального хронотопа может носить характер деструктивного эскапизма, который наблюдается в тех случаях,

когда «глобальные внешние и внутренние противоречия, в первую очередь, несоответствие реальных и желаемых ценностных структур, как в сознании индивида, так и в системе отношений субъект-окружение» [10, с. 46], приводят к затяжному кризису, который развивается по типу инверсивного конфликта [6].

3. Социальная функция конспирологических мифологем.

Конспирологический миф, будучи укорененным в социуме, формирует различные социальные семиотические фикции, из числа которых наиболее интересными являются претензии на принадлежность адептов к стратам интеллектуальной элиты. Конспирологическое знание постулирует себя как знание отчасти эзотерическое, доступное и понятное посвященным, число которых априорно не может быть слишком большим. Данное «эзотерическое посвящение» не предполагает наличия ритуального аспекта и интерпретируется, скорее, как некая «интеллектуальная прививка», позволяющая адепту не только ориентироваться в нарративах, но и использовать их в герменевтических целях. Именно знание основ «истинного устройства мира», сокрытое от массы непосвященных в конспирологическую эзотерику профанов, дает основание «знающим» претендовать на принадлежность к интеллектуальным элитам. Конспирологическое знание изначально постулируется как элитарное, оно не должно быть всеобщим [9], и предназначено исключительно для людей, обладающих особым складом ума.

При этом адепты конспирологических теорий в своем большинстве принадлежат к маргинальным социальным группам. С точки зрения социологии, конспирологи в своем большинстве – это «маргинальные члены общества, нарушающие нормы и рамки просоциального поведения, имеют низкий образовательный, культурный и социальный статус» [2]. Возвращаемые конспирологами представления о собственной элитарности вступают в противоречия с их фактическим низким социальным статусом, что в итоге приводит лишь к усилению вышеописанного инверсивного конфликта.

4. Коммуникативная функция конспирологии реализуется, прежде всего, как функция общения – взаимодействия

людей в процессе их социальной деятельности, так или иначе связанной с конспирологической повесткой. Анализ коммуникативных отношений, которые формируются в связи с функционированием конспирологической мифологии и ее воздействием на семиосферу, позволил выделить два основных типа: *конфликтная* и *кооперативная* (солидарная) коммуникации. Дискурс конфликтной коммуникации достаточно объемён, он включает в себя отношения не только противников и сторонников конспирологических объяснений, но и отношения между различными направлениями конспирологов, развивающих несовместимые версии конспирологической трактовки действительности. Кроме того, в конфликтную коммуникацию могут быть включены и акторы, которые непосредственно не включены в конспирологическую повестку.

Анализ конспирологической реакции на недавние противозидемические мероприятия показал, что объектом информационных «конспирологических атак» часто оказывались организации и отдельные ученые, медики, государственные деятели, которые ранее никак не выражали своего отношения к конспирологии, но в итоге они были вынуждены оправдываться от возводимых на них обвинений и тем самым вступать в коммуникацию.

Более сложным и интересным для анализа являются примеры конфликтных коммуникаций между различными направлениями конспирологии. Здесь мы часто наблюдаем использование полемических и апологетических стратегий, в основе которых лежит демонизация конкурентов, приписывание им тайных намерений, то есть фактическое включение их в число врагов – заговорщиков. Подобные стратегии часто используются в маргинальных религиозных субкультурах радикального паттерна, успешно осваивающих конспирологическую герменевтику. Так, например, лидер маргинального пара-православного сообщества радикального типа «царь-схимитрополит-пророк Илия державный Зосима» использует обвинения в тайном масонстве для демонизации адептов аналогичных маргинальных пара-православного сообществ, которые также позиционируют себя в качестве борцов с тайным заговором отступников и глобалистов, но отличаются непризнанием авторитета «державного царя-батюшки Зоси-

мы»¹. Часто подобные обвинения используются «радикальными конспирологами» для дискредитации конспирологов более умеренных. Заявляя, что под масками борцов с тайным заговором в реальности скрываются законспирированные агенты заговорщиков, участники конфликтной коммуникации запускают механизмы герменевтической спирали, приводящие к расширению дискурсивного пространства.

Кооперативная коммуникация реализуется как общение единомышленников в рамках того или иного конспирологического паттерна и на основе принятия последнего. Данная стратегия позволяет не только обеспечивать функцию передачи информации, но и на психологическом уровне компенсировать дефицит общения коммуникатор, что особенно в связи с характерной для них высокой степенью социальной депривации.

Выводы

Выделенные нами функции конспирологических мифологем не являются исчерпывающими. Однако представляется, что именно проанализированные выше четыре функции конспирологического мифа благодаря их взаимодействию во многом обеспечивают растущую популярность конспирологии. Конспирологический миф в итоге предстает как сложный семиотический феномен, обладающий возможностью формировать референции к различным социальным процессам / явлениям и соотносимой с ними символической реальностью.

Список литературы

1. Алгави Л. О., Будцов Г. А., Ковалев Г. С., Скворцова Н. Конспирология как ARG: медийно-игровая сущность QAnon // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2023. – Т. 28. № 1. – С. 137–145. DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-1-137-145
2. Ардашев Р. Г. Теории заговора в общественном мнении россиян // Миссия конфессий. – 2020. – Т. 9. № 1(42). – С. 145–154.
3. Денисов С. Ф., Денисова Л. В., Феномен околонаучного знания // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2016. – № 4 (63). – С. 54–58.
4. Карпоян С. М. Отрицательные модальные оценки в интернет-комментарии // Научная мысль Кавказа. – 2011. – № 3 (67). – С. 115–119.
5. Краснова Т. И. Игровое сознание как необходимое условие погружения в практику // Психологическое образование: контексты развития / под ред. М. А. Гусаковского, А. А. Полонникова. – Минск: Технопринт, 1999. – 168 с.

¹ Ответ на вопросы! И каноническое воззвание «архиепископу» масону Сергею Агееву. Державный Зосима. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8JQJt1V2l1A> (дата обращения: 05.05.2024)

6. Лебедев В. Ю., Прилуцкий А. М. Инверсивная семиотика образа Г. Е. Распутина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2023. – № 1. – С. 147–155.
7. Прилуцкий А. М. Теологические и мифологические концепты религиозных дискурсов ламинарной культуры: опыт семиотического анализа // Общество. Среда. Развитие. – 2019. – № 1. – С. 26–31.
8. Прилуцкий А. М. Коронавирусная инфекция и религиозные дискурсы медицинской конспирологии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2020. – Т. 33. – С. 108–114.
9. Романова М. И. «Сфера услуг по созданию интеллектуальной элиты»: проблемы развития современного классического образования // Проблемы высшего образования. – 2018. – № 1. – С. 41–43.
10. Савченко Т. Н., Теславская О. И. Эскапизм как фактор и стратегия психологической адаптации личности // Познание и переживание. – 2022. – Т. 3. – № 3. – С. 38–63. DOI: 10.51217/sosexp_2022_03_03_03. С. 46.
11. Смирнов М. Ю. Магия, религия и мифологическое сознание // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре / сост. М. М. Шахнович. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского Философского общества, 2001. – С. 66–68.
12. Термины и понятия радикальных религиозных субкультур: словарь-справочник: учебное пособие / А. М. Прилуцкий, А. В. Гайдуков, Д. Т. Хусаинов, Д. А. Головушкин; Центр экспертиз Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург: Первый издательско-полиграфический холдинг, 2023. – 171 с.

References

1. Algavi, L. O., Budtsov, G. A., Kovalev, G. S., Skvortsova, N. (2023) Konspirologiya kak ARG: medijno-igrovaya sushchnost' QAnon [Conspiracy theory as ARG: the media and gaming essence of QAnon]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [RUDN Bulletin]. Vol. 28. No. 1. Pp. 137–145. (In Russian).
2. Ardashev, R. G. (2020) Teorii zagovora v obshchestvennom mnenii rossijan [Conspiracy theories in the public opinion of Russians]. *Missiya konfessij* [The Mission of the confessions]. Vol. 9. No. 1 (42). Pp. 145–154. (In Russian).
3. Denisov, S. F., Denisova, L. V. (2016) Fenomen okolonauchnogo znaniya [The phenomenon of pseudo-scientific knowledge]. *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii* [Omsk MVD Academy Bulletin]. No. 4 (63). Pp. 54–58. (In Russian).
4. Karpoyan, S. M. (2011) Otritsatel'nye modal'nye otsenki v internet-kommentarii [Negative modal assessments in Internet comments]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza* [The Caucasus Scientific thought]. No. 3(67). Pp. 115–119. (In Russian).
5. Krasnova, T. I. (1999) Igrovoe soznanie kak neobhodimoe uslovie pogruzheniya v praktiku [Game consciousness as a necessary condition for immersion in practice]. *Psichologicheskoe obrazovanie: konteksty razvitiya*. Minsk: Technoprint Publ. (In Russian).
6. Lebedev, V. Yu., Prilutskij, A. M. (2023) Inversivnaya semiotika obraza G. E. Rasputina [Inverse semiotics of the G. E. Rasputin image]. *Vestnik Tverskogo universiteta* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy]. No. 1. Pp. 147–155. (In Russian).
7. Prilutskij, A. M. (2019) Teologicheskie i mifologicheskie koncepty religioznykh diskursov laminarnoj kul'tury: opyt semioticheskogo analiza [Theological and mythological concepts of laminar culture religious discourses: experience of semiotic analysis]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*. No. 1. Pp. 26–31. (In Russian).
8. Prilutskij, A. M. (2020) Koronavirusnaya infektsiya i religioznye diskursy meditsinskoj konspirologii [Coronavirus infection and religious discourses of medical conspiracy]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie* [Irkutsk State University Bulletin]. Vol. 33. Pp. 108–114. (In Russian).
9. Romanova, M. I. (2018) "Sfera uslug po sozdaniyu intellektual'noj elity": problemy razvitiya sovremennogo klassicheskogo obrazovaniya ["Services for the creation of an intellectual elite": problems of modern classical education development]. *Problemy vysshego obrazovaniya* [Problems of higher education]. No. 1. Pp. 41–43. (In Russian).

10. Savcheno, T. N., Teslavskaya, O. I. (2022) Eskapizm kak faktor i strategiya psihologicheskoy adaptatsii lichnosti [Escapism as a factor and strategy for individual psychological adaptation]. *Poznanie i perezhivanie* [Cognition and experience]. Vol. 3. No 3. Pp. 38–63. (In Russian).

11. Smirnov, M. Yu. (2001) Magiya, religiya i mifologicheskoe soznanie [Magic, religion and mythological consciousness]. *Smysly mifa: mifologiya v istorii i kul'ture* [The Meanings of Myth: mythology in History and Culture]. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskoe Filisofskoe obshchestvo. Pp. 66–68. (In Russian).

12. Terminy i ponyatiya radikal'nykh religioznykh subkul'tur: slovar'-spravochnik: uchebnoe posobie (2023) [Terms and concepts of radical religious subcultures: dictionary-reference book: textbook]. Sankt-Petersburg. Pervyj izdatel'sko-poligraficheskij holding. (In Russian).

Об авторе

Прилуцкий Александр Михайлович, доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация; ORCID ID: 0000–0002–7013–9935, e-mail: alpril@mail.ru

About the author

Alexander M. Prilutskij, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Sankt-Peterburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000–0002–7013–9935, e-mail: alpril@mail.ru

Поступила в редакцию: 01.04.2024
Принята к публикации: 27.06.2024
Опубликована: 17.09.2024

Received: 01 April 2024
Accepted: 27 June 2024
Published: 17 September 2024